

С. М. Белякова

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия
smbelyakova@gmail.com

О вторичной сакрализации этнолингвистических феноменов

К этнолингвистическим феноменам можно отнести различные объекты, как имеющие материальную природу, так и абстрактные сущности. Среди последних одно из главенствующих мест принадлежит феномену времени. Это идеальный объект для сакрализации в силу высокой степени его отвлеченности и, вероятно, принципиальной непознаваемости. При этом сакрализуется не только время в целом как глобальная физическая и философская сущность, но и его отрезки.

Н. И. Коновалова определяет сакральный объект как «комплекс ментальных представлений о сверхъестественном, не всегда имеющих воплощение в вербальных знаках» [Коновалова, 2007, 245]. Ниже она подчеркивает, что «и вербализованное сакральное содержание, несмотря на устойчивость, <...> обладает несомненной динамикой, которая определяется как собственно языковыми, так и внеязыковыми <...> факторами» [Там же].

Временные отрезки, особенно связанные с «инициальной магией» (С. М. Толстая), а также терминальные, подвергались сакрализации традиционно-культурным языковым сознанием. И это неслучайно, поскольку «наиболее значимы в оценке времени г р а н и ц ы» [Толстая, 1997, 65], причем «пограничность» отрезков времени может быть и явной, и латентной. Однако в условиях изменяющегося мира и трансформации народной культуры можно предположить определенную эволюцию этих представлений или даже вторичную сакрализацию темпоральных феноменов.

Особый интерес представляет рассмотрение дней недели в качестве таких сакральных этнолингвистических феноменов. Существует закономерность, согласно которой они объединяются в пары, обладают сходством. В христианской традиции это среда и пятница как дни поста

и определенных ограничений женских работ. Однако в настоящее время чаще всего такой парой становятся понедельник и пятница, прежде всего как «тяжелые», неблагоприятные дни.

Изучение современного восприятия данных временных отрезков осуществляется нами на материале «Национального корпуса русского языка» (основной корпус). Рассматривается период 2000–2019 гг.

Названные дни являются границами рабочей недели, поэтому закономерно отмечаемое в ряде случаев особое уточнение: утро понедельника и вечер пятницы. См., например: «Почему-то в пятницу вечером (даже когда тебе полтинник) чувствуешь себя много счастливей, чем в понедельник утром (даже когда тебе двадцатник)» (М. Палей, 2008).

Инициальность понедельника проявляется в традиции начинать что-либо в этот день (особенно так называемую «новую жизнь»), при этом с таким началом, вероятно, также связываются не слишком приятные события или обещания, часто не выполняемые: «Как пить и курить бросить с понедельника?» (А. Битов, 2003).

Временная рамка «понедельник — пятница» в современной культуре оказывается тесно связанной с феноменом бытового пьянства. Конец рабочей недели осознается как возможность «расслабиться», а в понедельник ощущаются последствия такого времяпрепровождения. Это обстоятельство делает названный день еще более «тяжелым». Совпадение 13-го числа с понедельником или пятницей также удваивает их неблагоприятность, поэтому, по распространенным представлениям, в такие дни не следует ничего начинать, отправляться в дорогу и т. п.

Характерны определения к лексеме *понедельник*: *чистый, светлый* (христианская традиция), *черный, кровавый, переломный, пасмурный, скучный, деловой*. Среди эпитетов, сопровождающих наименование пятницы, не только *тяжелая*, но и *черная, чумовая, грязная*. Как видно из примеров, преобладают определения с негативной оценкой.

Традицию обозначать экономические и политические кризисные события сочетанием «*черный* + название дня недели», вероятно, можно считать интернациональной. Однако в последнее время фиксируется сочетание *черная пятница*, которое обозначает отнюдь не кризисное явление, а день распродаж в магазинах, что идет абсолютно вразрез с общей лингвокультурной отрицательной оценкой, порождаемой определением *черный*.

Прецедентные тексты, в которых отмечены номинации данных дней недели, связаны главным образом с советской эпохой, а точнее — с ее кинематографом. Это прежде всего название известного фильма С. Ростюцкого «Доживем до понедельника» (1968). Кроме того, есть отсылки к известной песенке «Остров невезения» («Видно, в понедельник их мама родила»), которая, в свою очередь, инициировала название еще одного фильма — «Дети понедельника» А. Суриковой (1997). Но если в первом случае отчетливо проявляется семантика надежды, ожиданий, то во втором подтверждается репутация понедельника как фатально несчастливого дня, хоть это и делается в шутливой форме. Инициальность дня проявляет здесь свою амбивалентную сущность.

Еще одним случаем формирования советской мифологии дней недели является название знаменитой повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу», где эта фраза становится своеобразным лозунгом людей, увлеченных научной работой.

Таким образом, в текстах постсоветской эпохи частично сохраняется христианская и советская мифология, связанная с днями недели, но в то же время развиваются и новые процессы сакрализации — как бытового характера, так и делового, экономического. Они вызваны главным образом особенностями трудовой деятельности, коммуникации и прагматических установок людей.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. Екатеринбург, 2007.

Толстая С. М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир / отв. ред. И. И. Свирида. М., 1997. С. 62–79.